

БУБЛИК А.В.

88 ЖИЗНЬ
ПРОКЛЯТОГО ФЕРМЕРА

КНИГА ПЕРВАЯ

Бублик А.В.

88 жизнь проклятого фермера

<https://litres.ru/74164179>

SelfPub; 2026

Аннотация

Георг был простым фермером. У него была таверна на перекрёстке дорог, яблонево́й сад, три поля и маленькая ласка по имени Пух. Но однажды в его дом вошли четверо - оборотень, дварф с женой и вампирша, - и к утру от таверны остался пепел. А Георг, стоя на пепелище, проклял весь мир.

Бог услышал его. И проклял в ответ.

Теперь Георг живёт заново - в восемьдесят восьмой раз. Ему снова двадцать два, и у него есть ровно неделя до того самого вечера, когда его таверна сгорит. У него есть двадцать три года, чтобы выполнить условие бога: искренне подружиться с представителем каждой из девятнадцати рас, населяющих мир. Иначе - новый круг. Новое перерождение.

«88 жизнь проклятого фермера» - это уютное, тёплое фэнтези о человеке, который научился верить, но продолжает идти. О дружбе, которая начинается с миски похлёбки и чистой рубахи. О сырах с плесенью и гарпийском вине. О ласке, которая ворует шнурки. И о том, что даже самая долгая временная петля однажды разорвётся - если не сдаваться.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Утро первого дня	7
Глава 2. Корни и камни	19
Глава 4. Дорога начинается с порога	37
Глава 5. Триста лет позора и одна бутылка	47
Глава 6. Храм и его тени	55
Глава 7. Вкус соли на ветру	65
Глава 8. Красная Скала	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

88 жизнь проклятого фермера

Пролог

Пепел всё ещё был у него во рту.

Георг проснулся от собственного крика - беззвучного, застрывшего где-то между сном и явью - и уставился в тёмный потолок. Сердце колотилось так, будто он только что пробежал через горящий зал, уворачиваясь от балок. Во рту стоял вкус золы - хотя никакой золы здесь не было и быть не могло.

- Опять, - прошептал он в темноту.

За окном занимался серый рассвет. Пахло рекой, мокрой травой и немного навозом - обычный утренний запах его фермы.

Он полежал ещё немного, приходя в себя. Сон о пожаре приходил каждую ночь перед началом новой попытки - яркий, детальный, будто бог специально прокручивал перед ним одну и ту же картину. Чтобы не забывал. Чтобы помнил каждую секунду. Он и не забывал. Восемьдесят семь раз - и ни одного пропущенного показа. Таэль, при всём своём божественном величии, оказался режиссёром с одной-единственной постановкой.

Георг сел, свесил ноги с кровати. Тело слушалось молодо

и легко - двадцать два года, ни одной лишней царапины. Он знал, что сейчас подойдёт к зеркалу и увидит на лбу светящуюся цифру. Так было всегда.

Он не спешил.

Сначала натянул сапоги, плеснул в лицо водой из кувшина, проверил, что Пух спит в своём гамачке. Ласка даже ухом не повела - она привыкла к его утренним ритуалам.

Потом подошёл к зеркалу.

С мутной поверхности на него смотрел молодой мужчина с тёмными, слегка отросшими волосами и глазами цвета глубокой воды - тёмно-синими, с жёлтыми вкрапинками вокруг зрачка. Лицо двадцатидвухлетнего. Плечи - фермерские, широкая спина, привыкшая к работе. Внешне - юноша. Внутри - человек, проживший больше тысячи лет.

На лбу горела цифра.

Восемьдесят восемь.

Георг смотрел на неё несколько секунд. Потом хмыкнул: - Восемьдесят восемь. Хорошее число. Симметричное. Делится на четыре.

Цифра продолжала светиться, не реагируя на его остроты. Через несколько часов она исчезнет, и никто не увидит её до следующего раза.

Он вышел во двор. Утро было тихим и влажным. Таверна «Тихий Угол» стояла на своём месте - целая, невредимая, с закрытыми ставнями. Ферма дышала покоем. Где-то в полях уже возились работники - Дункан, наверное, пришёл

первым.

У него было семь дней.

Через неделю здесь появятся они. Оборотень, дварф с женой и вампирша. Те, кто в первой жизни превратил его дом в пепел. Те, из-за кого он проклял все расы этого мира. Те, с кого началось его наказание.

Георг привалился плечом к косяку и скрестил руки на груди. У него было семь дней. И в этот раз он не допустит пожара.

- Ну что, Таэль, - сказал он в небо. - Поиграем?

Небо не ответило. Оно вообще редко отвечало.

Из дома слышалось деловитое цоканье коготков по деревянному полу. Пух проснулась.

Георг улыбнулся краешком рта и пошёл варить эль.

Глава 1. Утро первого дня

Огонь лизал балки, и они трещали, как сухие кости.

Георг ворвался в кухню сквозь дымовую завесу, пригибаясь, закрывая лицо локтем. Жар бил в спину. Где-то слева рушилась стойка - та самая, за которой ещё час назад он наливал эль дварфу и отсчитывал сдачу.

- ПУХ!

Голос сорвался в хрип. Он шарил руками по полу, по опрокинутым кастрюлям. Ладони обжигало. Гамачок висел на стене - пустой. Обрывок верёвки догорал, скручиваясь в пепле.

Сзади, в общем зале, всё ещё дрались. Грим ревел, опрокидывая стол. Брунгильда кричала на мужа - Бардин-Камень, прижав жену к стене, закрывал её собой от летящих искр. Леди Алисия метнулась к двери - тень в развевающемся плаще. Орсак швырнул в вампиршу кружкой и промахнулся. Варгун тащил его за шкурку к выходу.

Бренн замер у порога. Их взгляды встретились. В глазах молодого оборотня плескался ужас.

- Бренн! - рявкнул Варгун. - Сюда!

Бренн дёрнулся, будто хотел броситься обратно в огонь, но Грим толкнул его плечом, и они исчезли за дверью. Дварфы выбрались раньше - Брунгильда хромала, Бардин тащил её на себе.

Георг остался один.

Балка над головой надломилась с протяжным стоном. Он метнулся в сторону, и рухнувшее дерево ударило в пол в том самом месте, где он только что стоял на коленях. Искры взметнулись фонтаном.

Он не помнил, как выбрался. Только ночной воздух, внешне холодный и чистый, ударил в лицо. Он рухнул на траву в десяти шагах от горящего здания и обернулся.

Таверна горела. Конюшня рядом тоже пылала - сено занялось мгновенно. Перед глазами плыло.

Он стоял на коленях в мокрой траве и смотрел, как гибнет его дом. Вся его жизнь. И Пух - маленькая ласка, которую он выкормил из пипетки, - осталась там, внутри.

Огонь отражался в его глазах. Тёмно-синие с жёлтыми крапинками, они сейчас казались почти чёрными - две бездны, в которых плясало пламя.

Он поднял голову к небу. Звёзды были равнодушны.

И тогда он закричал.

- БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ! ВСЕ! ВСЕ РАСЫ, ЧТО ХОДЯТ ПО ЭТОЙ ЗЕМЛЕ! ЧТОБ ВАМ ГОРЕТЬ!

Небо над ним расколосось. Тишина вдруг стала абсолютной - ни треска огня, ни криков. А потом из этой тишины раздался голос - низкий, глубокий, без источника. Он шёл отовсюду сразу.

- Ты проклинаешь моих детей?

Георг замер.

- Ты, человек, который никогда не пытался понять никого, кроме себя. Ты проклинаешь их всех? Хорошо. Я дам тебе шанс доказать, что ты прав. Или ошибиться. Подружись с каждой расой этого мира. С каждой до единой. Искренне. До того, как тебе исполнится сорок пять. Иначе - ты будешь перерождаться снова и снова. Пока не научишься.

Огонь полыхнул ярче. И мир погас.

Он открыл глаза.

Потолок. Балки, потемневшие от времени. Утренний свет сочится сквозь занавеску. За стеной мычит корова.

Георг моргнул. Во рту - ни пепла, ни золы. Он лежал на своей печи, в своём домике, и тело было целым, молодым, двадцатидвухлетним.

- Опять, - сказал он вслух.

Голос прозвучал хрипло. В последних попытках он уже не мог определить, кричал ли во сне. Скорее всего, да.

Сон был ровно таким же, как всегда: таверна, дым, крики. Бог не хотел, чтобы он забывал. Каждое перерождение начиналось с этой картины - яркой, как клеймо на внутренней стороне века. Георг давно не пугался. Только раздражался.

- Можно было хоть раз сменить картинку, - пробормотал он в потолок. - Добавил бы птичек. Или хорошую погоду.

Ответа не было. Таэль редко говорил с ним в открытую, но Георг знал, что его слышат.

Он встал. Тело слушалось привычно - молодое, сильное, ещё не изношенное годами странствий. У него было два-

дцать три года до нового перерождения. Или меньше, если умрёт.

Первым делом он подошёл к зеркалу - маленькому, мутноватому, доставшемуся от матери. Остановился и поднял глаза.

На лбу, прямо над переносицей, горела цифра.

Восемьдесят восемь.

- Восемьдесят восемь, - произнёс он, разглядывая отражение. - Делится на четыре. И на одиннадцать. Уже неплохо.

Цифра светилась ровным золотистым светом. К вечеру исчезнет, и никто, кроме него, её не увидит. До следующего раза.

Он оделся. Рубаха, штаны, сапоги - всё пахло домом. Не дымом, не дорожной пылью, а сушёными яблоками и чистой шерстью.

Пух он нашёл на кухне таверны. Она сидела на столе, деловито вылизывая лапу.

Георг остановился в дверях. Восемьдесят восемь раз он просыпался в это утро, и восемьдесят восемь раз она была здесь - живая, тёплая, настоящая. И каждый раз у него перехватывало дыхание.

Пух была лаской - юркой, вытянутой, с короткими лапами и длинным гибким телом. В начале осени её шерсть ещё не сменилась на зимнюю: спина темнела рыжиной, бока и брюшко светлели до кремового. Кончик хвоста - чёрный, будто его окунули в чернила. Уши - два маленьких треуголь-

ника, всегда настороже. Глаза - чёрные бусинки, блестящие и наглые.

Белое пятно на груди было её особой приметой - Георг помнил его с первой жизни. Левый ус рос под неправильным углом: в одной из охот она застряла в мышинной норе и выбралась с потерями. С тех пор ус топорщился в сторону, придавая ей слегка хулиганский вид.

Она двигалась бесшумно, текла сквозь пространство, как вода, и замирала так же внезапно, вытянув шею и приплюсываясь.

Сейчас она не приплюсывалась. Она смотрела на Георга так, будто он должен ей объяснить, почему завтрак задерживается.

- Привет, Пух, - сказал он.

Она моргнула и вернулась к вылизыванию лапы.

Он не стал её трогать. Она сама подойдёт, когда захочет. Всегда подходила.

Георг растопил печь и поставил воду для чая. Чиркнул кресалом - огонь занялся с первой искры. Он смотрел на пламя секунду дольше, чем следовало, потом закрыл заслонку.

- Никаких пожаров в этот раз, - сказал он тихо.

Таверна была пуста и тиха. Через час придёт Реджина, и кухня оживёт: зашкворчит масло, запахнет хлебом, застучит нож. Ближе к обеду подтянутся Кай и Марго, а за ними - бабушка Феста с ведром и тряпкой. Сегодня будут гости - обычные, не те. Путники с тракта, местные из Лужницы, мо-

жет, кто-то из торговцев. «Тихий Угол» жил своей обычной жизнью, и никто, кроме Георга, не знал, что через неделю здесь появятся четверо, от которых зависит всё.

Он взял ключи и вышел во двор.

Утренний воздух пах рекой, мокрой травой и навозом с конюшни. Это был запах целого мира - того, который ещё не горел. Георг остановился на крыльце и глубоко вдохнул.

В конюшне заржала лошадь. С поля доносился голос Дункана - тот уже пришёл и переговаривался с Тарреном. Орвин возился у курятника. Брам таскал воду от колодца.

Георг направился к конюшне. У него было ровно семь дней до вечера, который в восьмидесяти семи попытках заканчивался по-разному. Иногда таверна горела. Иногда нет. Он знал, как предотвратить драку: кого успокоить, кого выпроводить, кому подлить в эль успокоительного. В удачные попытки он сохранял здание.

Но последствия всё равно наступали. Орсак затаивал обиду и возвращался через год. Леди Алисия жаловалась клану, и вампиры начинали холодную войну с людьми. Дварфы уходили, хлопнув дверью, и прекращали торговлю с Лужницей.

Георг спасал стены, но не спасал то, что вокруг них.

В этот раз он хотел, чтобы таверна уцелела совсем. Без трещин в стене, без копоти на балках, без разбитой посуды и перепуганных лошадей. Он знал каждую мелочь, которая вела к катастрофе, и мог убрать их все - одну за другой.

А потом, когда четверо уедут, он начнёт с того, ради чего

всё это затевалось.

С Бренна.

Конюшня пахла лошадьми и сухой травой. Сено лежало у задней стены - три тюка, которые он заготовил месяц назад. В прошлых попытках это сено вспыхивало от искр из разбитого окна, и огонь перекидывался на таверну. В тех попытках, где он успевал убрать его в день конфликта, ничего не загоралось.

В этот раз он уберёт его заранее.

- Дункан! - позвал он.

Старший работник появился через минуту - коренастый, с обветренным лицом и руками, похожими на корни старого дуба.

- Доброе утро, хозяин.

- Доброе. Сено надо перенести. Всё. Сегодня.

Дункан посмотрел на тюки, потом на Георга.

- Куда?

- В старый сарай у восточного поля. Подальше от таверны.

Дункан помолчал. Он не привык задавать лишних вопросов - за это Георг его и ценил.

- Сделаем. Таррена возьму и Брама. К обеду управимся.

- Хорошо.

Дункан кивнул и пошёл к полю. Георг проводил его взглядом. Одна проблема решена. Осталось ещё десятка два.

Он обошёл конюшню, проверил засовы на окнах. Окно, выходящее на таверну, было расшатано - в первой жизни ис-

кра попала именно через него. В нескольких попытках он заколачивал его наглухо, и это помогало. В этот раз он сделает то же самое.

Потом подумал о Бренне.

Молодой оборотень, сирота, не способный обернуться. В стае Медвежьего Клыка таких не уважали. Орсак взял его с собой из жалости - или из желания показать свою милость перед людьми. Бренн держался в тени старших, говорил мало, смотрел в стол. Георг помнил его взгляд - затравленный, но не сломленный.

В прошлых попытках он пробовал подступиться к Бренну по-разному. Пару раз у него почти получилось: они разговорились на конюшне, Бренн даже улыбнулся. Но вмешивался Орсак, или начиналась драка, или Бренн уходил вместе со стаей, так и не став другом.

В этот раз Георг знал, с чего начать. Бренн любил лошадей. В трёх разных попытках он сам вызывался помочь на конюшне - Орсак ворчал, но отпускал. Значит, нужно, чтобы лошадь Орсака оказалась именно в той конюшне, где будет Георг. И чтобы Бренн пришёл к ней именно в тот момент, когда рядом не будет остальных.

Он запомнил это. До вечера ещё семь дней.

Реджина пришла ровно в восемь, как всегда.

Вошла через кухонную дверь, сняла платок, повесила на крючок. Молодая, но с усталыми глазами - глазами женщины, которая слишком рано стала вдовой. Георг знал, что она

не ищет нового мужа. Она искала покоя. Работа на кухне давала ей и деньги, и тишину.

- Доброе утро, - сказала она, завязывая фартук.

- Доброе, Реджина.

- Что сегодня готовим?

- Всё как обычно. Хлеб, похлёбка, пироги с капустой. К обеду, наверное, подойдут люди с тракта, - добавил он, протирая стойку. - Дорога сухая, едут хорошо.

Она кивнула и достала свою тетрадь - кожаную, с потёртыми уголками. Георг видел эту тетрадь в восьмидесяти семи жизнях. В одной из них она пролила на неё масло, и страницы пожелтели. В другой тетрадь сгорела вместе с кухней. Сейчас она была цела, и Реджина раскрыла её на чистой странице.

- Я вчера попробовала добавить в похлёбку можжевельник, - сказала она. - Как вы советовали.

- И как?

- Гости хвалили. Дварфы особенно. Один сказал, что такой похлёбки не ел даже в Предгорьях.

Георг чуть заметно улыбнулся. Дварфы. Через неделю здесь будут Бардин-Камень и его жена Брунгильда - уставшие, молчаливые, мечтающие о горячей еде и тихой ночи вдвоём. Он знал их вкусы: Бардин любит похлёбку погуще, Брунгильда - с кислинкой. Можжевельник подойдёт.

- Отлично, - сказал он. - Оставьте в меню.

Кай и Марго пришли вместе, как всегда.

Близнецы-блондины ворвались в таверну шумно, с порога начав переругиваться: Марго утверждала, что Кай сбивается с ритма, когда она поёт, а Кай доказывал, что это она фальшивит.

- Доброе утро, - сказал Георг.

- Хозяин! - хором отозвались они.

Через минуту Марго уже расставляла кружки на стойке, мурлыча себе под нос, а Кай насвистывал в такт из подсобки. Георг слушал их и думал, что этот звук - одна из причин, по которым он до сих пор не сошёл с ума.

Бабушка Феста пришла позже всех. Она вошла тихо, опираясь на палку, и сразу направилась к стойке.

- Георг, мальчик мой, - сказала она, хотя он давно не был мальчиком. - Опять у тебя полы не метены.

- Я нарочно не мёл. Знал, что вы расстроитесь, если работы не будет.

Феста хмыкнула, но в морщинах у глаз мелькнула улыбка. Она помнила его родителей. Иногда, под настроение, рассказывала, как останавливалась здесь в молодости, когда таверна только открылась. Георг знал эти истории наизусть, но никогда не перебивал.

К полудню таверна ожила.

Пришли первые гости - двое людей с тракта, торговец шерстью, местный мельник. Потом подтянулись ещё трое. Кай и Марго сновали между столами, Реджина колдовала над плитой, Феста гремела ведром на втором этаже.

Георг стоял за стойкой и смотрел на зал. Восемьдесят семь раз он видел этот день. В удачные попытки таверна уцелела. В неудачные - горела.

Он знал, как сделать, чтобы она уцелела и в этот раз. Сено уже убрали. Засовы на окнах он поправит завтра. Масляные светильники на время приезда четвёрки лучше заменить на закрытые фонари - их не так просто опрокинуть. Ещё он помнил, что Бардин-Камень оценит пиво покрепче, а леди Алисию лучше усадить подальше от стола оборотней и предложить вино из личных запасов. Это не помирит их, но снизит напряжение.

Его цель - не мир между расами. Его цель - чтобы таверна не пострадала.

А потом - Бренн.

Георг уже прокручивал в голове, как это сделать. Бренн не пьёт много - он осторожен. Он не любит, когда на него смотрят. Он оживляется только рядом с животными. Если дать ему повод прийти на конюшню одному, без Варгуна и Грима, можно завязать разговор. Не о дружбе - о лошадях. О том, что у Орсака хороший конь, но подкова на левой передней разболталась. Бренн заметит. Бренн захочет помочь.

А дальше - как с рассадой. Посадил, поливай.

К вечеру, когда гости разошлись, а работники отправились по домам, Георг сел на крыльце. Пух выбралась из кармана и устроилась на его колене. Он гладил её по голове, чувствуя тепло под ладонью.

- Восемьдесят восемь, - сказал он ей. - Слышишь?

Она не ответила. Ей было всё равно.

Георг смотрел на закат и думал о том, что через шесть дней здесь будут они. Орсак, Бардин-Камень с женой, леди Алисия. И Бренн, который не умеет оборачиваться, но, возможно, умеет дружить.

В этот раз он не допустит пожара. В этот раз он начнёт с того, кто сам нуждается в друге.

Он поднялся, посадил Пух в карман и пошёл в дом.

До конца недели оставалось шесть дней.

Глава 2. Корни и камни

Проснулся он затемно - по привычке, которая не стира-лась ни в одной из попыток.

Пух спала в гамачке, свернувшись клубком. Её рыжая спина мерно вздымалась, чёрный кончик хвоста подрагивал во сне. Георг оделся тихо, чтобы не разбудить, но она всё равно приоткрыла один глаз, проводила его взглядом и снова зажмурилась.

Утренний туман лежал на полях, как одеяло. Роса блестела на листьях. Три поля уходили от таверны к реке и лесу - зерновые, овощи, рис. Четвёртое, кормовое, тянулось к востоку.

Он шёл по меже, и земля пружинила под ногами. Пшеница на первом поле стояла стеной, колосья наливались. Ещё неделя-две - и можно жать. Рожь потемнее, пониже, но тоже добрая. Георг провёл ладонью по колосьям - они были тёплыми, несмотря на утреннюю прохладу. Земля грела их снизу.

Он помнил попытку номер тридцать один - ту, в которой он забросил ферму.

Ему было тридцать лет в том цикле, он метался по миру, пытаясь догнать последнюю непокорённую расу. Вернулся через два года. Пшеница полегла, рожь задушил сорняк, капусту сожрали гусеницы. Рисовое поле заилилось без ухо-

да. Он стоял тогда на краю и смотрел на руины своего хозяйства - и чувствовал стыд, какого не чувствовал даже в первую ночь после проклятия. Земля не предала его. Он предал землю.

С тех пор - ни разу.

- Хозяин!

С межи махал Дункан. Рядом с ним уже стояли Таррен и Орвин. Брам, младший, тащил корзину с инструментами.

- Доброе утро, - сказал Георг, подходя.

- Доброе. Сегодня окучиваем картофель и свёклу. Рисовое поле - проверять заслонки на канале, вода спала за ночь.

- Хорошо. Таррен, заслонками займись ты. Дункан, картофель. Орвин - свёкла. Брам, поможешь Дункану.

Те закивали. Георг видел их лица - спокойные, ещё не обветренные до конца. В прошлых попытках он знал их ближе: у Дункана будет сын через два года, Таррен женится на дочери мельника, Орвин откроет свою маленькую сыроварню. Но это всё случится после двадцати двух. Если он доживёт. Если цикл продлится.

- Дункан, - добавил он, обернувшись. - Если картофель вдруг начнёт сопротивляться, зови. У меня с ним давние счёты.

Дункан моргнул, потом хмыкнул и покачал головой. Таррен ухмыльнулся. Брам, кажется, не понял шутки - или сделал вид.

Он пошёл к саду. Яблони росли в низине, защищённые от

ветра. Старая - та, что посадил ещё отец - стояла в центре, раскидистая, с толстым стволом. Георг помнил, как мальчишкой залезал на неё, прятался в ветвях и кричал сверху: «Мама, смотри!» Мать качала головой, но улыбалась.

Под старой яблоней он похоронил Пух в попытке тридцать четыре. Она тогда дожила до пятнадцати лет, умерла у него на руках тихо, во сне. Он рыл могилу сам, и земля была мягкой, податливой.

Сейчас яблоня была моложе. Ей ещё расти и расти.

Он взял секатор и принялся обрезать сухие ветки. Эта работа успокаивала - простая, понятная, с видимым результатом.

За работой мысли потекли сами.

Попытка двенадцать. Он привил к этой яблоне новый сорт - сладкий, почти медовый. Яблоки получались прозрачными на свет. Он возил их на рынок, и торговцы спорили за очередь. Потом мир обнулится, и медовых яблок больше не существовало.

Попытка сорок четыре. Он пристроил к таверне летнюю веранду: четыре столба, лёгкая крыша, дикий виноград по шпалерам. Гости любили сидеть там вечерами, пить сидр и смотреть на закат. Ему самому она нравилась. Но в начале следующей попытки веранды не стало - как и всего, что он строил после двадцати двух. Строить её заново он не стал: слишком много работы ради того, что исчезнет. Таэль, очевидно, не оценил его архитектурных талантов.

Попытка шестьдесят первая. Он выжег на доске название таверны - «Тихий Угол» - и повесил над входом. Доска висела двадцать лет, выцвела на солнце, но держалась. В следующей попытке её не было. И он снова выжигал - в шестьдесят пятой, в семьдесят второй, в восемьдесят первой. Каждый раз. Наверное, это уже традиция - каждый цикл жечь одно и то же. Не хуже прочих.

Попытка семьдесят три. Он договорился с гончаром из Лужницы о новой посуде - двадцать глубоких тарелок с голубой глазурью, под цвет лука. Гончар делал их месяц, Георг заплатил втридорога. Тарелки разбились в драке - все до единой. В следующей попытке они снова были целы - но старые, те, что от родителей. Голубых больше не было.

Он обрезал последнюю сухую ветку и опустил секатор.
- Ничего не держится, - сказал он вслух.

Пух, которая к тому моменту проснулась и пришла в сад, посмотрела на него снизу вверх. Он наклонился, почесал её за ухом.

- Кроме тебя. Ты у нас вечная. Как и мои проблемы.

К полудню Георг вернулся в таверну. Кай и Марго уже носились между столами - на обед подошли люди с тракта. Мельник пил пиво и жаловался на мышей в амбаре. Торговец шерстью торговался с кем-то из Лужницы.

- Хозяин, к вам бабушка Феста пришла, - крикнула Марго, пробегая с подносом. - Сказала, что пойдёт к вам в дом прибираться.

- Скажи ей, что я там специально паутину развешивал, - отозвался Георг. - Для атмосферы.

- Так и передать?

- Нет. Иди уже.

Он поднялся и вышел через кухню.

Домик стоял между таверной и амбаром - маленький, однооконный, с покосившимся флюгером на крыше. Флюгер скрипел, когда дул восточный ветер. Отец всегда говорил: «Починю на следующей неделе». Не починил.

Феста была внутри. Она уже сняла паутину с балок и теперь подметала пол короткими, точными движениями. Палка стояла у двери.

- А, Георг, - сказала она, не оборачиваясь. - Ты вовремя. Посмотри, что я нашла.

Она протянула ему маленький предмет. Старый деревянный солдатик - с обломанной рукой и выцветшей краской на мундире.

- Под печью лежал, - пояснила Феста. - Забыл, небось?

Он не забыл. Отец вырезал этого солдатика, когда Георгу было пять лет. Он играл с ним до десяти, а потом спрятал - и не мог найти. Солдатик лежал под печью все эти годы.

- Я думал, он дезертировал, - сказал Георг, вертя игрушку в пальцах. - А он, оказывается, в подполье ушёл. Партизанил.

Феста фыркнула.

- Всё шутишь, - она оперлась на метлу и посмотрела на него.

Георг стоял у окна, и свет падал на его лицо. Чёрные волосы, слегка отросшие, падали на лоб - он то и дело убирал их рукой, но привычка стричься чаще явно не входила в список его приоритетов. Глаза - тёмно-синие, глубокие, как вода в колодце, но с жёлтыми вкрапинками вокруг зрачка, будто кто-то бросил в чернила горсть золотого песка. Взгляд тяжёлый, не улыбочивый. Плечи широкие, спина мощная - спина человека, который годами таскал мешки с зерном, ворочал брёвна и пахал землю, не ожидая, что кто-то сделает это за него. Фермерская спина. Она выдавала в нём того, кем он был до всех этих циклов - и кем, в сущности, оставался.

Феста вдруг замолчала и посмотрела на него пристально.

- Ты так быстро вырос, мальчик, - сказала она медленно.

- А взгляд у тебя стал...

Она запнулась.

- Какой? - спросил Георг ровно. - Усталый? Старый? Как у человека, который слишком рано понял, что коровы не дойдут по расписанию?

- Тяжёлый, - сказала она, не поддерживая шутку. - Как у человека, который видел что-то... чего не должно было видеть. Я иногда смотрю на тебя и думаю: когда ты успел? Два года назад, когда родителей не стало, ты был мальчишкой. А теперь... я не знаю, кто передо мной.

Георг ничего не ответил. Он не мог сказать правду. Не мог сказать: «Я видел, как эта таверна горела десятки раз. Я умирал в этом теле больше раз, чем вы прожили лет. И я

ничего не могу вам рассказать».

Он просто стоял, сжимая в ладони старого деревянного солдата.

- Наверное, просто вырос, - сказал он наконец. - Два года - большой срок. Особенно когда сам доишь коров.

Феста вздохнула.

- Ладно, - сказала она тише. - Не моё дело, мальчик. Но если захочешь поговорить - я здесь.

- Спасибо, - сказал он искренне.

Она кивнула и снова взялась за метлу. Через минуту она уже ворчала, что под печью слишком много пыли, и он, Георг, опять не убрал золу, и вообще - что за молодёжь пошла.

- Молодёжь, - отозвался он, стоя в дверях, - это те, кому за восемьдесят. Мне всего двадцать два. Я просто хорошо сохранился.

- Ты сохранился так хорошо, что скоро к тебе археологи потянутся, - проворчала Феста. - Иди работай, умник.

Он послушался. Ей он никогда не перечил.

Вечером он сидел под старой яблоней.

Солнце садилось за рисовое поле, и вода в канале становилась золотой. Пух лежала у него на коленях, подставив брюшко последним тёплым лучам. Белое пятно на её груди светилось в закатном свете.

Георг гладил её и думал о том, что Феста права. Взгляд у него тяжёлый. Он не может этого скрыть - сколько ни пытался. Но, может быть, это и не нужно. Может быть, люди,

которые его знают, принимают его и таким.

О родителях он думал молча, не облакая мысли в слова. Два года прошло с тех пор, как он принял ферму и таверну из рук, которые уже остыли. Для них он остался двадцатилетним. Они не узнали, что случилось потом. Может, это и к лучшему.

До конца недели оставалось пять дней.

Он поднялся, посадил Пух в карман и пошёл к дому. В окнах таверны горел свет. Оттуда доносился приглушённый смех - наверное, Кай и Марго опять что-то не поделили. Пахло хлебом и можжевельником.

Георг остановился на пороге своего домика и посмотрел на тёмное небо.

- Я помню, - сказал он тихо. - Я всё помню.

И закрыл дверь.

Глава 3. Искусство спокойной осени

Утро седьмого дня выдалось таким, за которые Георг любил эту землю. Солнце ещё не раскалилось, но уже согрело воздух ровно настолько, чтобы от рубашки шёл пар. Небо стояло высокое, выцветшее, без единого облака. В такое утро хорошо копать в земле.

Он сидел на корточках у чесночной грядки и перебирал зубчики. Крупные, с фиолетовыми прожилками, они были сухими и твёрдыми - то, что надо для подзимней посадки. Земля уже остыла после ночи, но на глубине двух пальцев ещё держала остатки летнего тепла. Он заглублял каждый

зубчик ровно на фалангу - не глубже, чтобы не задохнулся, не мельче, чтобы не вымерз.

Пух сидела на краю грядки и смотрела на его руки с таким видом, будто он совершал какой-то непонятный человеческий ритуал и она пока не решила, заслуживает ли он одобрения.

- Чеснок, Пух, - пояснил он, не отрываясь от работы. - Сажаешь его сейчас, он всю зиму сидит в земле, думает о своём чесночном, а весной вылезает первым. Умное растение. Не то что мы: носимся, суетимся, а он лежит себе и растёт.

Ласка зевнула. В её системе ценностей чеснок находился где-то между бесполезным и подозрительным.

- Ты просто не понимаешь, - вздохнул Георг.

Он прихлопнул последнюю лунку и выпрямился. Поясница приятно ныла - та самая усталость, которая говорит не «ты перетрудился», а «ты сделал что-то правильное». Он оглядел сад.

Яблони уже сбросили половину листьев. Груши стояли голые, только на верхних ветках ещё желтели несколько запоздалых плодов. Кусты можжевельника темнели у ограды. Участок под сливу был расчищен, но саженца пока не было - может, в этой попытке он наконец найдёт медовый сорт у южных торговцев. А может, и нет. В конце концов, сад хорош и без сливы.

До зимы оставалось месяца полтора. Нужно было успеть всё: обрезать сухостой, укрыть лапником корни молодых де-

ревьев, удобрить почву под будущие грядки. И теплица - её он проверял отдельно.

Теплица стояла на солнечной стороне сада, небольшая, но добротная: деревянный каркас, слюдяные пластины, дверь на кожаных петлях. Внутри пахло влажной землёй и базиликом - последний ещё не сдали, тянулся к свету, хотя ночи уже холодали. Георг вошёл, пригнувшись под низкой притолокой, и проверил магические камни.

Они лежали в углу, три штуки, каждая размером с кулак, - серые, шершавые снаружи, но если приложить ладонь, от них шло ровное, спокойное тепло. Он купил их у дварфов год назад, ещё до всех перерождений - то есть до того, как этот цикл начался заново, но здесь, в этой жизни, они были с ним, потому что он приобрёл их в двадцать один год. Отец отапливал теплицу дровами, и это работало, но от камней тепло было ровнее, без скачков, и не надо было бегать с вязанками по морозу. И растениям нравилось.

- Укроп, петрушка, шпинат, - перечислил он вслух, оглядывая пустые грядки. - Может, ещё салат. Реджина обрадуется.

Пух, которая просочилась за ним в теплицу, обследовала углы и пришла к выводу, что мышей здесь нет. Разочарованно чихнула.

- Ничего, - сказал Георг. - Зимой будут.

Он провёл в саду всё утро. Обрезал сухие ветки у старой яблони. Подсыпал перегной под груши. Укрыл лапником

корни молодых яблонь, что посадил три года назад. Проверил, не завёлся ли грибок на розмарине - не завёлся.

К полудню он отряхнул руки и направился к таверне.

На кухне уже кипела работа. Реджина командовала близнецами, которые таскали корзины с овощами. Бабушка Феста сидела в углу и перебирала сушёные травы, ворча, что в этом году розмарин какой-то «не душистый». Таррен и Брам - он отправил их с поля на подмогу - чистили свёклу у чёрного хода, и Таррен что-то рассказывал, от чего Брам краснел и прятал улыбку.

- Хозяин! - Марго подлетела к нему с подносом. - Реджина спрашивает, сколько банок с огурцами закрывать - сорок или пятьдесят?

- Шестьдесят, - сказал Георг. - И добавьте голубого лука в закладку. Он хорошо идёт зимой.

- Шестьдесят! - крикнула Марго в сторону кухни и умчалась.

Георг подошёл к стойке, проверил запасы. Пиво свежее, эль настоялся, вино из погреба ещё терпкое, но леди Алисия, кажется, предпочитала именно такое. Он запомнил это в попытке пятьдесят восьмой. Она тогда выпила два бокала, смягчилась и даже не стала провоцировать оборотней. Правда, потом всё равно случилась драка, но уже по другой причине. Кажется, из-за соли. Или из-за того, что Орсак слишком громко дышал.

К вечеру таверна была готова к зиме. Полки ломились от

заготовок. В погребе стояли кадки с соленьями. В кладовой висели связки сушёных трав. В теплице ждали своего часа семена.

Георг сел на ступеньки чёрного хода и вытянул ноги. Пух немедленно забралась ему на колено.

- Хороший день, - сказал он.

Пух не ответила. Она спала.

Они появились ближе к закату, как всегда.

Первыми пришли оборотни. Георг услышал их издали - тяжёлый шаг, позвякивание сбруи, голос Грима, который жаловался на пыль. Орсак ехал впереди - высокий, широкоплечий, с медвежьей грацией, которая чувствовалась даже в человеческой форме. За ним - Варгун, спокойный и молчаливый, Грим, красный от жары, и Бренн. Последний ехал чуть поодаль, на невысокой гнедой лошади, и смотрел по сторонам с тем же выражением, с каким Георг смотрел когда-то на свои поля - настороженно, но с голодным любопытством.

- Хозяин! - гаркнул Орсак, спешиваясь. - Комнаты есть?

- Есть, - сказал Георг, выходя на крыльцо. - Четыре человека, одна двуспальная комната для старшего и три односпальных для сопровождающих. Устраивает?

Орсак бросил поводья Гриму и шагнул к двери.

- Устраивает. Мясо есть?

- Есть. Свинина, тушёная с можжевельником.

- Пиво?

- Свежее.

Орсак хмыкнул. Кажется, остался доволен.

Потом пришли dwarфы.

Бардин-Камень шёл первым - коренастый, с седеющей бородой и руками, на которых въелась каменная пыль. Брунгильда держалась рядом - крепкая женщина с острым взглядом и косой, уложенной вокруг головы. Они двигались вместе, как два валуна, которые катились с горы и давно притёрлись друг к другу.

- Добрый вечер, - сказал Бардин. - Комната с двуспальной кроватью найдётся?

- Найдётся, - ответил Георг. - Последняя. Ужин подадим через полчаса.

Брунгильда кивнула и поджала губы - она всегда так делала, когда была чем-то недовольна. Георг знал, что ей не понравится запах оборотней в общем зале. Но пока молчит - и хорошо.

Последней пришла леди Алисия.

Она появилась бесшумно - просто вдруг оказалась на пороге, как будто соткалась из сумерек. Тёмный плащ, бледное лицо, волосы убраны под капюшон. На шее - кулон с гербом клана, но она его тут же спрятала, заметив взгляд Георга.

- Комнату, - сказала она холодно. - Двуспальную.

- К сожалению, двуспальные заняты, - сказал Георг ровно. - Могу предложить комнату с одной кроватью, без соседей. С видом на сад. И отдельный ужин подам туда, если пожелаете.

Он знал, что именно так надо. В попытке номер тридцать

два он предложил ей общий стол. Она тогда закатила глаза, процедила что-то про «многопользовательские блохатники» и демонстративно села рядом с оборотнями, чтобы их позлить. Через час таверна горела.

В попытке номер пятьдесят один он попытался убедить её, что комната с одной кроватью ничем не хуже. Она обиделась на слово «ничем» - и снова демонстративно села рядом с оборотнями.

Теперь он просто предлагал отдельный ужин и вид на сад. Никаких сравнений. Никаких оценок.

Леди Алисия помолчала. Потом кивнула - сухо, едва заметно.

- Вино у вас есть?

- Есть. Красное, терпкое, из южных виноградников. Принести в комнату?

- Принесите.

Она поднялась по лестнице, и Георг выдохнул. Одна мина обезврежена.

Теперь главное - рассадка.

Он проводил оборотней к их столу - у окна, подальше от лестницы, по которой будет спускаться леди Алисия. Орсак сел спиной к залу - и правильно, меньше поводов для взглядов. Дварфов он усадил в другом конце зала, за большим столом у очага. Бардин-Камень одобритительно кивнул, заметив, что стол добротный, дубовый, не шатается. Брунгильда сразу потянулась к хлебу.

- Пиво! - крикнул Грим.

- Сейчас будет, - сказал Георг и метнулся к стойке.

На кухне кипела Реджина. Кай и Марго сновали с подносами. Георг налил пиво оборотням, эль - дварфам, вино - вампирше. Всё отдельно, всё на разных подносах.

- Марго, - сказал он тихо, проходя мимо. - К столу оборотней подходи слева. К дварфам - справа. И солонку поставь в центр стола. Не на край.

- Почему на центр? - удивилась она.

- Чтобы случайно не задела локтем. Оборотень вон как руками машет.

Марго пожала плечами и переставила солонку в центр. Она не знала, что в первых жизнях Грим всякий раз задевал солонку именно локтем, та летела на пол, и Бардин-Камень воспринимал это как оскорбление - дварфы к соли относились трепетно, а тут человекоподобный медведь разбрасывает её по полу. Дальше следовала перепалка, потом вмешивалась леди Алисия, и к ночи таверна горела.

В этот раз солонка стояла в центре. Грим до неё не дотянулся бы, даже если бы захотел.

Вечер пошёл.

Орсак ел мясо и хвалил эль. Грим громогласно требовал добавки. Варгун молчал. Бренн сидел с краю, ковырял хлеб и смотрел в окно. Дварфы ужинали неспешно - Бардин что-то негромко рассказывал жене, и Брунгильда даже улыбнулась, когда он добавил ей можжевеловой похлёбки. Леди Алисия

не спустилась вовсе. Ей отнесли ужин в комнату, и Марго потом доложила, что гостья «сидит у окна, пьёт вино и смотрит на сад».

Георг стоял за стойкой и считал про себя опасные моменты.

Вот Грим потянулся за солью. Не уронил - потому что солонка стояла в центре, а не на краю. Георг мысленно поставил себе галочку.

Вот Бардин-Камень заметил на стойке дварфийскую солонку - ту самую, с клеймом. Поднял голову, прищурился. Георг перехватил его взгляд и чуть заметно кивнул - мол, да, настоящая, уважаю вашу работу. Бардин хмыкнул и отвернулся. Не зацепился. В прошлых попытках, когда Георг не успевал среагировать, дварф начинал расспрашивать, откуда вещь, и в разговоре всплывало что-нибудь вроде «люди вечно тащат чужое», после чего Орсак немедленно вставлял что-нибудь про «дварфов, которые тащат чужую землю», - и поехало. Сейчас он просто хмыкнул.

Вот леди Алисия на мгновение вышла из комнаты - спустилась к лестнице, оглядела зал. Георг мысленно напрягся: сейчас она заметит Орсака, вспомнит старую вражду и...

Но Орсак сидел спиной к лестнице. Он её просто не видел. А леди Алисия, не найдя повода для конфликта, вернулась в комнату. В попытке номер семнадцать она заметила Орсака именно с лестницы - он тогда сидел лицом к залу, их взгляды встретились, и вампирша процедила что-то про «блохастых

медведей». Драка началась через десять минут.

Георг выдохнул.

Вот Бренн поднялся из-за стола и тихо спросил, где конюшня - хочет проверить лошадь. Георг вышел с ним вместе.

- У вашего коня подкова на левой передней разболталась, - сказал он негромко, когда они отошли от таверны.

Бренн удивлённо посмотрел на него.

- Я заметил, когда вы въезжали, - пояснил Георг. - У меня в конюшне есть инструменты. Если хотите, можно поправить.

- Я... да, - сказал Бренн. - Хочу.

Они провели в конюшне полчаса. Бренн работал молча, но руки у него были ловкие, и конь не дёргался - доверял. Георг светил ему фонарём и изредка подавал нужный гвоздь. Один раз Бренн даже улыбнулся - когда конь ткнулся ему в плечо мордой.

Они вернулись в таверну, и никто не заметил их отсутствия.

Вечер закончился.

Оборотни ушли спать. Дварфы поднялись в комнату. Леди Алисия так и не вышла, и Марго забрала пустой графин.

Георг стоял за стойкой и вытирал кружки. Пух выбралась из кармана и устроилась на стойке, свернувшись в клубок.

- Ну вот, - сказал он ей. - Седьмой день. Таверна цела. Никто не подрался. Леди вампирша не оскорбила оборотня. Дварф не оскорбился на солонку. Грим не уронил соль.

Брэнн починил подкову. Я считаю, это успех.

Пух зевнула.

- Ты просто не понимаешь, - повторил он. - Это была ювелирная работа.

Он отложил кружку и посмотрел в окно. Ночь стояла тихая и звёздная. Где-то далеко за лесом, за полями и предгорьями, лежал мир, в котором ему предстояло найти ещё восемнадцать рас. Но это будет завтра. Или через неделю. Или через месяц.

А сегодня он спас таверну.

И, кажется, начал дорогу к дружбе с оборотнем.

Глава 4. Дорога начинается с порога

Утро после отъезда гостей выдалось тихим - таким тихим, что Георг даже задержался в постели на лишние полчаса. Пух, не оценив нарушения распорядка, спрыгнула с гамачка и уселась на его грудь - маленькая, но увесистая, как мешочек с мукой.

- Ладно-ладно, - пробормотал он, открывая глаза. - Уже встаю. Ты страшнее петухов.

Пух моргнула и перебралась на подушку, всем видом показывая, что её работа здесь сделана.

Георг натянул сапоги и первым делом пошёл к таверне. Ещё с вечера он повесил объявление - аккуратно, ровно, чтобы не сорвало ветром. Теперь, при свете дня, он подошёл к двери и перечитал:

«ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК. Обязанности: ведение записей о доходах и расходах; размещение лошадей путников и уход за ними; помощь на кухне. Оплата достойная. Проживание предоставляется. Обращаться к хозяину таверны.»

Он хмыкнул. Написано было честно, но хитро. Про «помощь на кухне» Бренн, конечно, ничего не знал, но мыть картошку - это тоже помощь. В конце концов, руки у парня крепкие, а работа с овощами успокаивает нервы. Георг про-

верял.

Оборотни задержались. Орсак ещё с вечера решил не гнать в темноте, и теперь его отряд собирался в дорогу неторопливо: Варгун седлал коня, Грим зевал во весь рот на крыльце, а Бренн стоял чуть поодаль, держа под уздцы свою гнедую. Орсак первым заметил объявление и, прищурившись, прочёл его вслух.

- Ишь ты, - хмыкнул он, обернувшись к Георгу. - А ты, хозяин, никак расширяться?

- Зима скоро, работы меньше не станет, - пожал плечами Георг. - А мне нужно будет отлучиться.

- Далеко?

- По округе. За семенами, может, за рецептами. Заодно и рынки посмотрю.

Бренн подошёл ближе и тоже уставился на объявление. Георг заметил, как у него чуть дрогнули пальцы, сжимавшие повод. В этот момент всё и решилось.

- Я... - начал Бренн и запнулся. - Я могу. То есть, если вы не против. Я умею с лошадьми, и записи вести умею - старый шаман учил. А на кухне... научусь.

Орсак переглянулся с Варгуном. Тот едва заметно кивнул.

- А что, - сказал Орсак задумчиво. - Это даже удобнее. Всё равно от тебя в стае толку мало, - Бренн дёрнулся, но Орсак продолжил, не заметив, - а тут хоть при деле будешь. Стая недалеко: если что - присмотрим. А если вдруг опять война, ты хоть предупредить сможешь. В зверя не перекидываешь-

ся, животным от тебя не пахнет. За человека сойдёшь. Не тронут.

С этими словами он хлопнул Бренна по плечу - тяжёлой рукой, но почти по-отечески.

- Добро. Оставайся. А нам пора.

Через полчаса трое оборотней скрылись за поворотом. Бренн остался стоять у таверны, сжимая в руках тощий вещевой мешок и глядя им вслед.

Когда подтянулись остальные работники, объявление уже висело, а Бренн мялся у конюшни, не зная, куда себя деть. Дункан и Таррен, как всегда пришедшие первыми, устали на бумагу, потом - на Георга.

- Хозяин, - осторожно начал Дункан, - это что ж такое? Мы не справляемся?

- Справляетесь, - сказал Георг спокойно.

- Тогда зачем вам ещё один работник? - Таррен нахмурился. - Если мы что-то сделали не так, вы скажите прямо.

Георг вздохнул и прислонился к перилам.

- Вы всё делаете правильно. Ни к кому у меня нареканий нет. Но я задумал отправиться в путь.

- В путь? - Дункан поднял бровь. - Куда?

- Пока не знаю точно. Хочу найти новые растения для фермы, может, каких-то животных. Или рецепт новый у кого выучу. Зима скоро, работы на полях станет меньше - идеальное время. А без меня в таверне нужен будет ещё один человек. Вот и всё. Так что Бренн теперь с нами. Он будет

вести записи, ухаживать за лошадьми и помогать на кухне.

- На кухне? - переспросил Бренн тихо.

- Картошку чистить, - уточнил Георг. - Это не страшно.

- Я не умею, - признался Бренн.

- Я научу, - сказала Реджина, подошедшая как раз вовремя, и в её голосе прозвучало что-то почти материнское. - Иди сюда, покажу, где у нас фартуки.

Бренн бросил на Георга взгляд, который можно было перевести как «вы точно уверены?», и пошёл за Реджиной. Георг был уверен.

К полудню всё улеглось. Георг собрал работников в общем зале и распределил обязанности на время своего отсутствия.

- Марго остаётся за главную. Она будет за стойкой - встречать и размещать гостей, разливать напитки, следить за порядком в зале. Кай ей помогает и продолжает подавать.

Марго приосанилась. Кай хмыкнул:

- То есть она теперь мой начальник?

- Она теперь твой начальник, - подтвердил Георг. - Привыкай.

- Я всю жизнь к этому привыкаю, - вздохнул Кай, но без злобы.

- Реджина - кухня, ты главная. Таррен, Орвин, Брам - сад, ферма, животные. Они же помогают на кухне с чисткой и шинковкой. Дункан - старший над всеми полевыми и скотом. Если что-то серьёзное - решает Марго, если совсем серьёзное - шлёте весточку через торговцев, я оставлю примерный

маршрут.

Вечером Георг решил проверить, как устроился Бренн. Ему выделили одну из гостевых комнат с односпальной кроватью - ту самую, которую раньше занимал Бренн в ночь приезда. Комнатка была маленькой, но чистой: стол, стул, кувшин с водой, окно во двор, две кровати.

Георг постучал. Бренн открыл не сразу. Он сидел на кровати и смотрел на свои руки - те самые, которые утром перебирали подкову, а днём неумело, но старательно чистили свёклу под чутким руководством Реджины.

- Как ты? - спросил Георг, присаживаясь на край стола.

Бренн помолчал.

- Странно, - сказал он наконец. - Я никогда не думал, что буду работать в таверне. В стае говорили, что я бесполезный. Даже Орсак сказал это сегодня.

- Орсак сказал, что от тебя мало толку в стае, - поправил Георг. - Это не одно и то же.

Бренн поднял на него глаза - затравленные, но с проблеском надежды.

- Ты не такой, как они, - продолжал Георг ровно. - Ты не умеешь превращаться в медведя. Это факт. Но ты умеешь чинить подковы, ладить с лошадьми и писать записи - а Грим, насколько я знаю, до сих пор путает право и лево. И что, он бесполезный?

Бренн невольно хмыкнул.

- Ты живой, - сказал Георг. - Ты здесь. Ты не хуже других.

Просто другой. А для этого мира и другие ценны - поверь, я знаю, о чём говорю.

Последние слова он произнёс с той особенной интонацией, которая появлялась у него всегда, когда речь заходила о чём-то слишком личном. Бренн посмотрел на него внимательно, но ничего не спросил.

- Спасибо, - сказал он тихо.

- Не за что. Спи давай. Завтра поможешь мне собираться в дорогу.

Следующие дни прошли в сборах.

Георг знал, что нужно взять с собой, не хуже, чем знал, как правильно посадить чеснок. Он собирался в дорогу бесчётное количество раз за все свои жизни - и каждая поездка добавляла что-то в его мысленный список. Бросал ферму он только однажды, в попытке номер тридцать один, и до сих пор помнил, как вернулся к заросшим сорняком полям. Больше он такой ошибки не повторял. Зато уж в сборах теперь не ошибался никогда.

В этот раз он решил не импровизировать и собрать всё заранее.

Лошадь - старая кобыла по имени Бурёнка, которую он купил ещё при родителях. Она была медлительной и флегматичной, но Георг предпочитал именно таких: спокойные лошади не шарахаются от гарпий и не нервничают, если в телеге вдруг начинает шуршать что-то живое. Он запряг её в лёгкую телегу - не новую, но крепкую, с высокими бортами.

В телегу отправились:

- Два пустых мешка для семян и трав - он собирался везти их обратно полными.

- Моток крепкой верёвки. Всегда пригождалась - в одной из попыток он вытащил ею сатира из оврага, и это стало началом неожиданной дружбы.

- Клетка для мелких животных - лёгкая, плетёная, с кожными ремешками. Он не планировал никого ловить специально, но если подвернётся интересный зверёк для фермы, будет куда посадить.

- Пара глиняных горшков для саженцев и небольшое ведро с плотной крышкой - для проращивания корней у черенков. И мешочек с растворимым удобрением: специальный порошок, который он выменял у dwarфов ещё в той же поездке, что и магические камни. Помогает корням быстрее укрепляться.

- Один запасной магический камень, завёрнутый в плотную ткань. Он взял его из теплицы - невелика потеря, а в дороге камень поддержит оптимальную температуру в закрытой телеге, если понадобится везти что-то чувствительное к холоду.

- Запас еды на неделю: сушёное мясо, хлеб, сыр, мешочек крупы.

- Фляга с водой и маленький котелок.

- Одеяло, запасная рубаха, кресало, нож.

- Маленький пузырёк с можжевеловым маслом - от насе-

комых и для запаха.

· И, конечно, вино. Две бутылки - одна для себя (он не пил в дороге, но иногда нужно было чем-то торговать), и одна - «особая».

Особая бутылка была из личного запаса: терпкое красное из южных виноградников, то самое, которое он подавал леди Алисии. Георг знал, что на тракте к востоку от Лужницы, примерно в трёх днях пути, в придорожной таверне «Кривая подкова» он встретит одного старого знакомого. Знакомого, с которым он пытался подружиться в попытках сорок два, пятьдесят шесть и семьдесят восемь - и каждый раз безуспешно. Но теперь у него был план.

Этого знакомого звали Корвин, и он был сатиром.

Корвин путешествовал по миру, собирая рецепты вин и настоек. Георг знал, что сатир будет там - всегда останавливается в этой таверне, когда идёт к морю. В прошлых попытках он пытался завязать разговор о музыке (Корвин скучал), о путешествиях (Корвин кивал и отворачивался) и о философии (Корвин заснул). Но в попытке семьдесят восемь он случайно упомянул виноград, и сатир вдруг оживился. Оказалось, он коллекционировал редкие вина. Разговор тогда продлился час, но Георг не смог предложить ничего стоящего - бутылка, которую он вёз, разбилась по дороге.

В этот раз он замотал особую бутылку в одеяло, перевязал бечёвкой и уложил в самый безопасный угол телеги. Разбиться она не имела права.

Собирая вещи, он вслух комментировал происходящее для Пух, которая сидела на краю телеги и наблюдала за процессом с царственным безразличием.

- Верёвка, - говорил он, укладывая моток. - В прошлой попытке я забыл верёвку, и пришлось рвать плющ. Плющ, Пух, оказался ядовитым. У меня три дня чесались руки.

Пух зевнула.

- Клетка. В попытке номер шестьдесят я поймал лунного кролика и решил везти его в мешке. Знаешь, что сделал лунный кролик в мешке? Он прогрыз дыру и сбежал. А заодно прогрыз мешок с крупой. Я потом неделю собирал гречку по всей телеге.

Пух перевернулась на другой бок.

- Вино, - продолжал он, укладывая замотанную бутылку. - Это для одного козлоногого ценителя прекрасного, который в прошлый раз сказал мне, что я ничего не понимаю в винограде. А я, между прочим, пытаюсь вырастить виноград на своей земле уже... - он задумался, прикидывая в уме, - двадцать четыре жизни. Если сложить все годы, что я возился с лозой... получается лет триста, не меньше. Триста лет - и до сих пор ни одной грозди, потому что климат не тот. Но это не значит, что я не понимаю.

Пух чихнула.

- Вот именно, - сказал Георг. - Триста лет позора, и всё ради одной бутылки. Оцени размах.

В последний вечер перед отъездом он обошёл таверну,

ферму и сад. Проверил замки на погребе. Заглянул в теплицу - камни грели ровно, земля была влажной. Оставил Реджине список того, что нужно досадить. Пожал руку Дункану. Выслушал последние наставления от бабушки Фесты.

- Смотри, Георг, - сказала она, стоя на пороге его домика.

- Если ты там найдёшь какое-нибудь чудо-растение, не вздумай его сажать прямо в поле. Сначала в теплице проверь.

Мой-то, шабутной, однажды привёз из города какой-то южный цветок, посадил у забора, а он оказался плотоядным. Сожрал трёх кур, прежде чем мы его выкопали. Хорошо, что муж с сыном сейчас в городе, а то бы опять что-нибудь притащил.

- Я помню эту историю, - сказал Георг. - Вы рассказывали её в каждом цикле.

- Что?

- В каждом году, - поправился он. - В каждом году рассказывали.

Феста подозрительно прищурилась, но спорить не стала.

Вечером он сел на крыльце своего домика, Пух устроилась на колене. Небо было ясным, звёздным. Завтра - в путь.

- Ну что, Пух, - сказал он тихо. - Поехали дружить со всем миром?

Она не ответила. Ей было всё равно.

Но когда он лёг спать, она пришла и свернулась у него на груди - маленькая, тёплая, живая.

И это был лучший ответ.

Глава 5. Триста лет позора и одна бутылка

Выехали на рассвете.

Бурёнка цокала копытами по сухой осенней дороге, телега поскрипывала, Пух устроилась на мешке с одеялом и смотрела вперёд с видом капитана корабля. Георг сидел на облучке, держал поводья и думал о том, что первые три дня пути - самые лёгкие. Людские земли, знакомые тракты, предсказуемая погода. Никаких сюрпризов.

Впрочем, сюрпризы он и сам себе устраивал.

На первом же привале, у ручья, он достал из телеги моток тонкой бечёвки, отрезал кусок длиной в локоть и положил перед Пух.

- Учимся, - сказал он.

Пух посмотрела на верёвочку, потом на него.

- Команда «возьми». Берёшь верёвку в зубы. Вот так.

Он показал пальцами. Пух зевнула.

- Я серьёзно. Это может спасти тебе жизнь. Или мне. Или нам обоим. Представь: я упал в яму, а ты - маленькая, юркая, никто тебя не замечает. Ты берёшь верёвку, тащишь её ко мне, я закрепляю, и...

Пух легла на бок и закрыла глаза.

- Отлично, - сказал Георг. - Мотивация у ученицы - выше

неба.

К вечеру второго дня она всё-таки взяла верёвочку в зубы. Правда, тут же попыталась утащить её под телегу и там сжевать. Но для первого раза - прогресс.

К исходу третьего дня она уже таскала бечёвку от телеги к Георгу и обратно, путая команды «неси» и «брось», но хотя бы не жевала. Георг выдал ей кусочек сушёного мяса и торжественно объявил:

- Ты принята в спасательный отряд. Звание - младший верёвочник.

Пух съела мясо и залезла в карман. Звание её не интересовало.

«Кривая Подкова» стояла на перекрёстке двух трактов - как и в каждой попытке. Большая, шумная, с вечно полным залом. Георг въехал во двор, оставил Бурёнку в конюшне, заплатил конюху и вошёл внутрь.

Он сразу его увидел.

Корвин сидел за угловым столом, вытянув длинные козлиные ноги в проход. Рога - завитками, шерсть на ногах - рыжеватая, холёная. Одет ярко, даже слишком для дороги: зелёный камзол с золотой вышивкой, на шее - амулет в виде виноградной грозди. Перед ним стояла кружка, и по лицу сатира было видно, что содержимое кружки его глубоко разочаровало.

- Кислятина, - произнёс Корвин громко, обращаясь ко всему залу. - Это не вино, это прокисший компот из-под

чьей-то бабушкиной скатерти. Клянусь лозой, здесь что, никогда не слышали о винограде?

Трактирщик за стойкой сделал вид, что не слышит. Георг усмехнулся и подошёл.

- Добрый вечер.

Корвин поднял глаза - жёлтые, с горизонтальным зрачком.

- Добрый? - переспросил он трагическим тоном. - Мой дорогой, какой же он добрый, если я сижу здесь с этой... жидкостью? Садись, если у тебя нет при себе ничего, что могло бы меня спасти. А если есть - садись тем более.

Георг сел. Достал из сумки бутылку - ту самую, замотанную в одеяло. Поставил на стол.

Корвин замер. Потом взял бутылку, повертел в руках, втянул воздух над пробкой. Глаза его расширились.

- Южное, - прошептал он. - Терпкое. Красное. Не моложе десяти лет. Откуда?

- Из личных запасов. Я трактирщик. Держу таверну «Тихий Угол» на севере отсюда.

- Трактирщик? - Корвин оглядел его с ног до головы. - Ты больше похож на фермера.

- Я и фермер тоже. И винодел. Правда, виноград у меня не растёт. Климат не тот.

- Климат? - Корвин расхохотался. - Климат можно обмануть. Почву - удобрить. Лозу - укрыть. А вот вкус... вкус либо есть, либо его нет. Давай пробовать.

Он открыл бутылку. Налил. Поднял кружку, вдохнул аро-

мат, сделал глоток и замер.

- О, - сказал он тихо. - О-о-о.

Георг молчал.

- Ты знаешь, - сказал Корвин, отставляя кружку, - я путешествовую уже двести лет. Я пробовал вина дварфов, эльфийские настойки, сидр из садов фей и брагу оборотней. Но это... - он указал на бутылку, - это сделано с пониманием. Ты не просто трактирщик.

- Спасибо.

Они говорили до поздней ночи. О виноградниках, о том, как правильно подрезать лозу, о южных сортах, которые не боятся засухи, и о северных, которые выживают под снегом. Георг рассказывал о своих попытках - без чисел, конечно, но с такими подробностями, что Корвин только головой качал.

- Ты занимался виноградом лет двадцать, не меньше, - сказал он.

Георг подумал о трёхстах годах, но кивнул.

- Где-то так.

На следующий вечер они встретились снова.

Корвин сам нашёл его - Георг как раз устраивал Пух очередной экзамен с верёвочкой. Ласка тащила бечёвку через весь двор, когда из дверей таверны вышел сатир с кружкой эля и замер.

- Это что у тебя? Ласка? Таскает верёвки?

- Дрессирую, - сказал Георг.

- Зачем?

- На всякий случай. Она маленькая, может пролезть куда угодно. А верёвка... ну, мало ли.

Корвин присел на корточки и уставился на Пух. Та уставилась на него.

- Изумительно, - сказал он. - Это самая странная вещь, которую я видел за последние лет пятьдесят. Расскажи про неё.

И Георг рассказал. Без имён, без дат, но честно: как подобрал её детёнышем, как она стала его единственным спутником, как не расстанется с ним ни на день. Корвин слушал молча, не перебивая. А потом сказал:

- Знаешь, у меня никогда не было такого. Животного, которое было бы со мной дольше пары лет. Я всё время в дороге.

- В дороге тоже можно завести друга, - сказал Георг.

Корвин промолчал. Но вечером, за кружкой, он сам начал рассказывать. О своих странствиях. О рецептах, которые он собирал. О том, как однажды его выгнали из эльфийского сада за то, что он пытался стащить лунный виноград. О том, как он пел с сиренами на реке, и они научили его одной песне, от которой плачут даже камни.

- Я, душа моя, коллекционер, - сказал он, подливая себе. - Я собираю не вещи. Я собираю истории. И вина. Но в основном истории. Каждая бутылка - это чей-то труд, чей-то год, чья-то жизнь. Когда я пью вино, я пью время.

Георг слушал и думал, что Корвин, сам того не зная, опи-

сал его самого. Георг тоже пил время. Только не из бутылок.

На третий вечер они сидели на крыльце «Кривой Подковы». Вино почти закончилось. Корвин был непривычно тих.

- Ты странный человек, Георг, - сказал он вдруг.

- Знаю.

- Нет, не в том смысле. Ты... - он помедлил. - У тебя глаза человека, который видел что-то нехорошее. Что-то, что не проходит. Я такие глаза видел у стариков. Но тебе двадцать два.

Георг ничего не ответил.

- Я не прошу рассказывать, - продолжил Корвин. - Я просто хочу сказать: я двести лет встречаю разных людей. Торговцев, воинов, королей, бродяг. И почти никто из них не говорил со мной так, как ты. Честно. Без попытки что-то продать или что-то выпросить. Ты просто... говоришь. И слушаешь.

- Это редкость?

- Это чудо, - сказал Корвин серьёзно. - Ты даже не представляешь.

Они помолчали.

- Знаешь, - сказал Корвин, - я хочу приехать к тебе. В твой «Тихий Угол». Посмотреть на твою теплицу, на твой виноград, который никак не растёт. Может, я даже дам пару советов.

- Буду рад, - сказал Георг. - И привози рецепты. Обменяемся.

- Договорились. - Корвин протянул руку, и Георг пожал её.
- Кстати, если тебе понадобится помощь с какой-нибудь расой - я многих знаю. Сатиры, знаешь ли, почти везде вхожи. Кроме, может быть, гномьих кузниц - там слишком шумно.

Георг улыбнулся краешком рта.

- Я запомню.

Утром они разъехались. Корвин отправился на юг, к морю - искать рецепт русалочьего вина из водорослей. Георг двинулся на восток, к предгорьям.

Восемь дней он ехал через людские земли. Ночевал в телеге, если погода позволяла, или в придорожных тавернах, если холодало. Пух освоила команду «прячься» - и теперь при слове «чужой» мгновенно исчезала в складках его одежды. Команду «ищи» она понимала только когда пахло мясом, но Георг не жаловался.

Людские земли были спокойны. Деревни, поля, мельницы. Иногда его обгоняли торговцы, иногда - военные отряды. Один раз он остановился на ночлег в доме старой вдовы, которая держала кур и пекла пироги. Она рассказала ему, что её сын ушёл в Храм Таэля - хотел стать служителем. Георг спросил, взяли ли его. Вдова пожала плечами: «От него вестей не было. Но сон ему приснился трижды - значит, взяли».

Георг подумал о служителе-человеке, к которому ехал.

На пятнадцатый день пути дорога пошла вверх. Холмы сменялись предгорьями, воздух стал суше и холоднее. Бурёнка упрямо тянула телегу, и Георг не гнал её - здесь, на

подъёме, спешка была ни к чему.

На двадцать первый день он его увидел.

Храм стоял в долине, окружённый оплавленным камнем. Тёмный, с радужными прожилками. Он не подавлял величием - скорее, производил впечатление шрама, который зажил, но не исчез. Вокруг не было стен. Только круг из низких каменных столбов, обозначающих границу.

Георг остановил Бурёнку у крайнего столба и спрыгнул на землю. Пух высунула нос из кармана.

- Приехали, - сказал он.

Храм Таэля. Место, где бог когда-то ударил в землю и чуть не расколол мир. Место, где девятнадцать служителей помнят всё.

И где человек-служитель, возможно, подскажет ему, как найти тех, кто живёт в воде и в небе.

Георг одёрнул рубаху и шагнул вперёд.

Глава 6. Храм и его тени

Храм вырос из долины, как старый, бугристый шрам.

Георг осадил Бурёнку у крайнего столба и спрыгнул на землю. Оплавленный камень под ногами был тёмным, с радужными прожилками - след того самого удара, которым Таэль когда-то чуть не расколол мир. В утреннем свете прожилки казались застывшими молниями.

- Ну вот, Пух. Снова здесь.

Ласка высунула нос из кармана, втянула воздух и насто-рожила уши. Ей это место не нравилось. Пахло чужим, пахло старым, пахло силой.

- Потерпи. Долго не задержимся.

Он привязал Бурёнку и пошёл к входу. Мысли текли сами - и, как всегда на подъезде к Храму, в них было больше иронии, чем благочестия.

«Девятнадцать рас в одном месте. Сиди и дружись. Эльфы, дварфы, гарпии, русалки - все здесь. Только подойти нельзя. Потому что ты для них - пыль на сапогах. И свои расы они тебе искать не помогут. Прекрасная бюрократия. Даже божественная.»

В ранних попытках он хитрил. Пытался заговаривать с дварфом-хранителем - но дварф вежливо, неумолимо отправлял его к человеку. Пытался подкараулить гарпию у галереи - она улетела, не сказав ни слова. Один раз, кажется в

попытке номер двадцать три, он даже пробрался к водному гроту, чтобы поговорить с русалкой, но она просто смотрела на него сквозь толщу воды и молчала.

Храм был идеальной ловушкой. Все расы здесь. И все - недоступны.

- Ладно, - сказал он себе под нос. - В этот раз мне хотя бы ответят. Иду же к человеку. Главное - правильно задать вопрос.

Он вошёл.

Внутри было прохладно и тихо. Свет падал сверху, из круглого отверстия в куполе, и ложился ровным пятном на Первую Плиту. Георг подошёл к ней и остановился.

Он знал эту историю наизусть. В далёком прошлом, когда раса людей была ещё молода, а эльфы только начинали возводить свои звёздные башни, две расы - в тексте они не назывались по именам - сошлись в войне на уничтожение. Одна почти истребила другую. И тогда Таэль вмешался.

Удар пришёлся в землю - в то самое место, где теперь стоит Храм. Камень оплавился, небеса раскололись, и обе воюющие стороны полегли там, где стояли. Не все - но достаточно, чтобы война прекратилась. Бог не выбирал правых и виноватых. Он просто показал, что бывает с теми, кто решает, будто другая раса не имеет права дышать.

После удара осталась воронка. После воронки - Храм. А в центре Храма - Первая Плита с выбитым на ней предостережением. Тогда же появились и хранители - по одному от

каждой расы. Их задачей было не молиться, а помнить. Записывать сны, хранить прошлое и передавать его тем, кто придёт за советом.

Георг скользнул глазами по тексту - и задержался на последней строке: «Второй раз он не придёт - он просто отпустит мир в бездну».

- Ну да, - пробормотал он. - Просто отпустит. А пока - перерождает одного упрямого фермера. Тоже метод.

Он перевёл взгляд на пустое место рядом с Первой плитой. Там было пространство - ровно такое же по размеру, как и занятое. Место для Второй плиты. Будет ли она? Этого он не знал. Но это был второй раз, когда бог вмешался в дела мира. Первый - та древняя война. Второй - его собственное проклятие. Логично предположить, что развязка тоже будет как-то отмечена. Вдруг и его история закончится не просто тишиной, а каменной плитой?

- «Георг из Лужницы: 88 попыток, 19 друзей, одна ласка. Справился. Устал», - произнёс он вслух. - Нет, наверное, напишут что-то более пафосное. Храм всё-таки.

Он помолчал, глядя на пустое место. Потом его взгляд скользнул выше, к куполу, откуда лился свет.

Бог. Таэль-Мор-Иллиан-Ра.

Георг никогда не думал о нём как о злом. Злой бог не стал бы останавливать геноцид. Злой бог не стал бы создавать девятнадцать рас и любоваться их разнообразием. Но добрым он тоже не был. Добрый не проклял бы человека на восемь-

десять восемь перерождений за слова, сказанные в отчаянии.

Скорее - справедливый. Или даже не так. Взыскательный. Как старый мастер, который не терпит брака в своей работе. Если цветок растёт криво, мастер не вырывает его - он пересаживает, поливает, подвязывает. Снова и снова. Пока не вырастет ровно.

- Я для него - кривой цветок, - сказал Георг. - Упрямый саженец, который отказывается приживаться. И он ждёт. Восемьдесят восемь циклов ждёт.

Пух высунула нос из кармана и посмотрела на него.

- Ладно, Пух. Пошли искать нашего человека.

По пути к келье служителя-человека им встретились трое.

Сначала - дварф. Он нёс каменную табличку с выбитыми рунами, и его шаги отдавались эхом в коридоре. Даже не взглянул на Георга. Просто прошёл мимо, как проходят мимо камня у дороги.

Потом - русалка. Георг проходил через зал с каналом, ведущим к морю, и заметил движение под водой. Силуэт - гибкий, с развевающимися волосами. Она смотрела на него из глубины, не всплывая. Любопытно, но без страха. Когда он встретился с ней глазами, она скользнула в тень и исчезла.

- Учись, Пух, - прошептал он. - Вот так надо производить впечатление. Молча и таинственно.

Пух зевнула.

И последней - гарпия. Она сидела на верхней галерее, и Георг не увидел её саму, только тень, упавшую на стену.

Огромные крылья, резкий профиль. Тень замерла - гарпия смотрела на него сверху. Потом скользнула прочь.

- Меня здесь определённо рассматривают, - пробормотал Георг. - Как редкого жука. Надеюсь, не решат наколоть на булавку.

Келья служителя-человека была такой же, как в прошлые разы: маленькая, аскетичная, с узким окном и деревянной скамьёй у стены. Пахло старыми книгами и сушёными травами.

Служитель поднялся навстречу. Мужчина лет тридцати пяти, с простым лицом и спокойными карими глазами. Он не выглядел древним старцем, не источал мистической мудрости - просто человек, который много молчит и много слушает.

- Добрый день, - сказал он. - Меня зовут Тобиас.

- Георг, - кивнул тот. - Я из Лужницы.

Тобиас чуть прищурился - название явно было ему знакомо.

- Я встретил твою мать, - сказал Георг, доставая из сумки свёрток. - Она держит кур и печёт пироги. Просила передать.

Тобиас замер. Потом взял свёрток - осторожно, будто он мог рассыпаться. Развернул. Внутри оказался тёплый шерстяной шарф. Служитель поднёс его к лицу, вдохнул запах и улыбнулся - совсем не храмовой, а простой, человеческой улыбкой.

- Она всё ещё печёт? - спросил он тихо.

- Всё ещё.

Тобиас кивнул и аккуратно отложил шарф.

- Спасибо. Я не ждал... Впрочем, ты пришёл не за этим.

- Не за этим, - согласился Георг. - Но это тоже важно.

Он сел на скамью. Сформулировал мысленно то, ради чего проделал весь этот путь. Не «где найти», нет. Тобиас не мог знать, где сейчас обитают русалки или дракониды. Но он знал прошлое.

- Я хочу понять, - сказал Георг, - как люди в прошлом находили водных жителей. Не где они сейчас, а как это делали раньше. Русалки, сирены, оборотни-косатки. И летающие - гарпии, дракониды. Как люди к ним добирались? Что делали? И... есть ли хоть что-то о духах камня?

Тобиас выслушал, не перебивая. Потом встал, подошёл к полке с книгами и снял одну - старую, с потрескавшимся переплётом.

- Хороший вопрос, - сказал он. - Ты спрашиваешь о прошлом. Это я могу рассказать.

Он говорил долго. О моряках, которые заблудились в шторме и были спасены косатками - с тех пор их потомки заключали союз с морским народом, предлагая дары на побережье. О скалолазах, которые карабкались к утёсам гарпий и пели им песни в обмен на право пройти - не все выживали, но те, кто выжил, возвращались с историями. О сиренах, которые слышат голос человека даже сквозь толщу воды - и выходят к тем, кто поёт искренне. О драконидях, которые

уважали только тех, кто сам поднимался к их гнездовьям без магии и без страха.

- А духи камня? - спросил Георг, когда Тобиас замолчал. Служитель покачал головой.

- Духов камня люди не находили никогда. Или находили, но не знали об этом. Они живут внутри скал и валунов. Ты можешь пройти в двух шагах и не заметить. Может быть, ты уже проходил мимо них сотни раз. Может быть, они ждали, когда ты заговоришь первым.

Георг помолчал, переваривая.

- То есть я должен разговаривать с камнями?

- Скорее - слушать камни.

- Прекрасно. Я и с людьми-то не всегда могу договориться. Теперь ещё и камни.

Тобиас улыбнулся - впервые за весь разговор.

Именно в этот момент Пух решила, что ей скучно.

Она выбралась из кармана, спрыгнула на пол и деловито потащила за собой свою учебную бечёвку. Георг заметил это не сразу - он всё ещё обдумывал услышанное. А когда заметил, было уже поздно.

Пух с невозмутимым видом обходила вокруг ножек стула, на котором сидел Тобиас, и бечёвка аккуратно оплетала их, стягивая в узел. Тобиас опустил глаза, замер - и вдруг рассмеялся. Тихо, но совершенно искренне.

- Это... - он указал на Пух, которая уже сидела с видом «я ничего не делала», - это часть твоего плана?

- Это часть её плана, - вздохнул Георг. - Пух, отставить. Мы не берём хранителей в плен.

Пух бросила верёвочку и забралась обратно в карман. Тобиас ещё некоторое время смотрел на опутанные ножки стула, потом перевёл взгляд на Георга.

- Знаешь, - сказал он, - за десять лет моего служения это первый раз, когда в моей келье смеялись.

- Я вообще плохо влияю на обстановку, - сказал Георг. - Спроси у моего трактира.

Когда пришло время уходить, Георг встал и протянул руку.

- Спасибо. Твои истории помогли.

Тобиас пожал её - но в этот момент его взгляд вдруг изменился. Не расфокусировался, не остекленел - просто стал глубже, как будто кто-то на секунду заглянул в него изнутри. Когда он заговорил, голос его звучал иначе - размереннее, тяжелее.

- Тот, кто ходит кругами, однажды придёт в центр. Пусть твой следующий круг будет короче предыдущего.

Георг замер.

- Таэль-Мор-Иллиан-Ра, - произнёс Тобиас, и полное имя бога прозвучало в келье, как далёкий гром, - наблюдает за тобой с интересом.

Тишина повисла между ними. Георг смотрел на служителя и понимал: это не Тобиас. Вернее, Тобиас - но говорящий не свои слова.

- С интересом? - переспросил Георг, и голос его не дрогнул. - Ну, хоть кому-то не скучно. Передай ему, что я тоже наблюдаю. Взаимно.

Тобиас моргнул. И снова стал собой - усталым мужчиной тридцати пяти лет, который только что передал послание от бога и теперь не совсем понимал, что с этим делать.

- Я... - он осёкся.

- Ты всё правильно сделал, - сказал Георг мягко. - Спасибо, Тобиас. За всё.

Он повернулся и вышел. Пух в кармане молчала, и в этой тишине было что-то, что ему сейчас было нужнее слов.

Они собрались вечером.

Девятнадцать служителей встали вокруг Первой Плиты. Свет из купола погас, и теперь зал освещали только масляные лампы, расставленные по кругу. Тени дрожали на стенах.

- Вечный Путник был здесь, - сказал Тобиас. Голос его звучал обычно - без того странного эха, которое появилось в келье. - Цикл восемьдесят восьмой. Спрашивал о водных и летающих.

Дварф, тот самый, что проходил мимо Георга в коридоре, хмыкнул в бороду.

- Пусть идёт. Если дойдёт - значит, время пришло.

- Как он выглядел? - спросила русалка из своего грота. Её голос звучал приглушённо, проходя сквозь воду, но все слышали.

- Усталым, - сказал Тобиас. - Но не сломленным.

- Глаза у него острые, - раздался голос сверху. Гарпия сидела на галерее, и тень её крыльев ложилась на плиту. - Он заметил мою тень. Не каждый замечает.

- Он был здесь раньше, - произнесла Ириэль-из-Звёзд.

Все повернулись к эльфийке. Она стояла в стороне от круга, скрестив руки на груди, и смотрела на плиту.

- Много раз, - продолжала она. - Я видела его в снах, но всегда - размыто, далеко. А теперь... - она помолчала, подбирая слова. - Он другой. В этом цикле он другой. Как будто что-то понял.

Дух камня, стоявший на краю круга, не сказал ничего. Он вообще редко говорил. Но когда Ириэль замолчала, он склонил голову - медленно, на дюйм. И в этом движении было то ли согласие, то ли вопрос.

Тобиас подошёл к Книге Памяти, лежавшей на каменном постаменте, и раскрыл её. Чистая страница ждала. Он обмакнул перо в чернила и записал:

«88-й цикл. Путник был в Храме. Спрашивал о водных и летающих. Передано: интерес взаимный. Ждём».

- Ждём, - повторила гарпия сверху.

И девятнадцать служителей разошлись по своим кельям - кто в воду, кто в камень, кто в тишину, - оставив Первую Плиту в круге лампового света.

Рядом с ней по-прежнему пустовало место.

Но теперь оно казалось чуть менее пустым.

Глава 7. Вкус соли на ветру

Дорога к морю заняла пять дней.

Георг ехал неспешно, давая Бурёнке отдых на подъёмах. Оплавленный камень нейтральных земель постепенно сменялся скудной травой, потом - редким кустарником, а к исходу третьего дня воздух начал меняться. Он стал влажнее, мягче, и ветер, дувший в спину, приносил с собой новый запах - не речной, не озёрный, а густой, йодистый, солёный. Море было где-то впереди. Пока не видимое, но уже осязаемое.

На четвёртый день Георг остановил Бурёнку у обочины. У самой дороги, цепляясь корнями за скудную почву, рос незнакомый кустарник. Низкий, с серебристыми листьями - такими светлыми, что они казались покрытыми инеем. Среди листвы темнели мелкие ягоды: тёмно-синие, почти чёрные, с белёсым налётом, как у сливы.

Георг присел на корточки. Растение было ему незнакомо - а это случалось редко. За восемьдесят семь попыток он изучил флору окрестных земель досконально, но такое видел впервые. Возможно, потому что этим маршрутом почти не ходил.

Он сорвал лист, растёр между пальцами, вдохнул. Пахло тимьяном и морской солью. Интересно.

- Смотри, Пух. Кажется, я нашёл что-то новое.

Пух высунула нос из кармана и тут же потянулась к ягодам. Георг мягко отодвинул её.

- Нет. Ты и так криво ус отрачиваешь. Нам не нужна кривая ласка.

Он достал нож, три маленьких горшка, влажную ткань и мешочек с удобрением. Работал аккуратно, как всегда: срезал три черенка под углом, обмакнул в раствор, уложил в горшки. Зачем три - он и сам не знал. Выживут - пригодятся. Если не для теплицы, то для обмена. Если не для обмена, то для подарка. А не выживут - что ж, три попытки лучше, чем одна.

- Если окажется ядовитым, назову в твою честь, - сообщил он Пух.

Пух зевнула. Угрозы её никогда не пугали.

Ветробережье открылось с холма на исходе пятого дня.

Город лежал в широкой бухте, раскинувшись от скалистого мыса до песчаного пляжа. На мысу стоял маяк - белая башня, сложенная из известняка. В порту теснились десятки лодок и несколько крупных судов. Дома лепились друг к другу боками - белые, с плоскими крышами, с синими ставнями и выцветшими навесами от солнца. Даже сейчас, в конце осени, город казался светлым и пёстрым, как лоскутное одеяло.

Главная улица, мощённая ракушечником, вела от порта к рыночной площади. Торговцы кричали на все голоса, зазывая покупателей. Пахло жареной рыбой, пряностями, водо-

рослями и дѣгтем. Где-то звенел колокол - то ли на маяке, то ли на каком-то судне. Над крышами носились чайки, перекрикивая друг друга.

Георг въехал в городские ворота, ведя Бурѣнку под уздцы, и первым делом начал искать, где остановиться. После пяти дней пути хотелось снять с лошади упряжь, а с себя - дорожную пыль. У рынка он спросил у торговки зеленью, где здесь приличный постоялый двор. Та махнула рукой в сторону восточного края города:

- У Марты. Она чужаков принимает, и лошадей у неё ставят. Скажи, что от Греты - скидку не даст, но комнату точно найдѣт.

Постоялый двор стоял на тихой улочке, в стороне от портового шума. Двухэтажный, с выцветшей краской на ставнях и большим внутренним двором, где уже стояли пара телег. Пахло сеном, свежим хлебом и едва уловимо - лавандой. Марта оказалась женщиной лет шестидесяти, сухощавой, с седым пучком на затылке и цепким взглядом, который, впрочем, быстро смягчился, когда Георг поздоровался.

- Комнату и место для телеги, - сказал он.

- Надолго?

- Пока не знаю. Дня на три для начала.

Марта оглядела Бурѣнку, телегу, Пух, высунувшую нос из кармана, и кивнула.

- Сарай в левом углу двора. Сено в цене. Ласка твоя мышей не ловит? А то у меня в амбаре завелись.

- Ловит, - сказал Георг. - Когда в настроении.

- Значит, не ловит, - хмыкнула Марта. - Ладно. Комната на втором этаже, окнами в сад. Ужин через час. Деньги вперёд.

Георг заплатил, устроил Бурёнку в сарае, проверил, надёжно ли закреплены горшки с черенками в телеге. Магический камень он оставил в углу телеги, под одеялом - тот по-прежнему тихо грел, поддерживая температуру. Затем поднялся в комнату - маленькую, чистую, с видом на яблоню во дворе, и позволил себе короткую передышку.

- Ну вот, Пух, - сказал он, садясь на кровать. - Почти курорт.

Пух уже обнюхивала углы. Мышами, кажется, не пахло - и она, разочарованная, забралась на подушку.

Час спустя он спустился к ужину. Марта подала уху и свежий хлеб. За столом сидели ещё двое постояльцев - пожилой торговец и молчаливый парень с обветренным лицом, видимо, моряк. Георг ел молча, слушая, как торговец жалуется на цены на перец, а моряк молча кивает. Пух сидела в кармане и дремала. В окно тянуло морем.

Утром он решил выйти в город.

«Якорь и Кружка» стояла на углу рыночной площади и портовой улицы - большое двухэтажное здание с облупившейся краской и выцветшей вывеской. Из открытых окон тянуло элем, жареным луком и чем-то ещё - кажется, старыми морскими байками.

Георг уже взялся за дверную ручку, когда изнутри донёсся

голос, который он узнал бы где угодно.

- ...это не вино! Это прокисшая вода, в которой кто-то прополоскал портянки! Клянусь лозой, здесь что, вообще никто не слышал о винограде?!

Георг улыбнулся, толкнул дверь и вошёл.

Корвин сидел за стойкой, возвышаясь над остальными посетителями на целую голову. Его рога были украшены какой-то засохшей веточкой - кажется, розмарином, - а зелёный камзол припорошила дорожная пыль. Перед ним стояла кружка, и по лицу сатира было видно, что её содержимое его глубоко оскорбило.

- Мой дорогой! - возопил Корвин, заметив Георга. - Ты ли это? Или мираж, посланный мне в утешение?

- Это я, - сказал Георг, присаживаясь рядом. - И я смотрю, ты нашёл лучшее вино в городе.

- Лучшее?! - Корвин схватился за сердце. - Да я предпочёл бы пить морскую воду! Она хотя бы честная - солёная и никаких претензий.

Трактирщик за стойкой, привыкший к подобным сценам, молча протирал кружки.

- Как ты здесь оказался? - спросил Георг, заказывая эль.

- Долгая история, душа моя, - Корвин оживился. - После нашей встречи в «Кривой Подкове» я двинулся к побережью. Но по пути заглянул к феям растений - слышал, у них есть редкая настойка из первоцвета. Феи, знаешь ли, очаровательны, но совершенно не держат слово. Я спел им три

песни, рассказал одну очень личную историю и в результате получил не настойку, а корзину еловых шишек. Сказали, что для медитации. Пришлось уйти, пока они не предложили мне медитировать вместе.

Георг хмыкнул.

- А потом?

- А потом я добрался сюда. Хотел найти лодку, чтобы выйти к Красной Скале - говорят, там русалки иногда поднимаются на поверхность. У них есть водоросли, из которых они делают вино. Ты не представляешь, Георг, - глаза сатира загорелись, - вино из водорослей! Я должен его попробовать. Но местные рыбаки, едва заслышав про русалок, начинают креститься или делать вид, что меня не понимают. Я тут уже третий день сижу, и всё, что я нашёл, - это головная боль и вот это, - он указал на кружку.

Георг отхлебнул эль и задумался.

- Мне тоже нужно к русалкам, - сказал он. - И, кажется, у нас есть повод объединиться.

- Правда? - Корвин просиял. - Зачем они тебе?

- Долгая история.

- О, я обожаю долгие истории! Особенно под что-нибудь приличное. У тебя есть что-нибудь приличное?

- У меня есть кое-что другое, - Георг достал из сумки горшок с серебристым черенком. - Я нашёл это по дороге. Не знаю, что это за растение, но пахнет тимьяном и солью. Срезал три черенка, сам не знаю зачем. Пригодятся. Если русал-

ки ценят что-то с берега, может, это подойдёт.

Корвин взял горшок, повертел в руках, вдохнул.

- О, - сказал он. - О-о-о. Ты знаешь, что это?

- Понятия не имею.

- Это серебряный тимьян. Он растёт только на границе нейтральных земель. Русалки его обожают - они заваривают его в чай и пьют на свадьбах. Это редкая вещь.

Георг кивнул, принимая информацию к сведению.

- Тогда тем более. Один оставлю себе для теплицы. Второй - предложим русалкам. Третий - посмотрим.

Корвин посмотрел на него с выражением, близким к умилению.

- Георг, - сказал он, - ты самый предусмотрительный человек, которого я когда-либо встречал. Ты везёшь растения на обмен русалкам. Это прекрасно.

- Я везу растения, потому что они не разбиваются, в отличие от бутылок, - возразил Георг.

- И это тоже прекрасно.

Они вышли из таверны и направились в порт. Корвин, воодушевлённый перспективой, шагал размахисто, едва не задевая прохожих рогами. Георг шёл рядом, привычно поглядывая, не вылезла ли Пух из кармана. Ласка сидела тихо - кажется, после вчерашнего инцидента с рыбой она решила временно вести себя прилично.

На причале пахло солью и смолой. Лодки покачивались на мелкой волне. Чайки орали дурными голосами. Старый

рыбак чинил сеть, сидя на перевёрнутом ведре.

- Бранн, - представился он, когда Георг подошёл. - Марта сказала, ты ищешь русалок.

- Ищу, - кивнул Георг.

- Я могу отвезти тебя к Красной Скале. Полдня пути на вёслах. Но русалки к чужакам не выходят.

- Ко мне выйдут, - вдруг сказал Корвин, выходя из-за спины Георга. - Я сатир. У нас с ними общие предки по линии водных духов.

Бранн прищурился, оглядел Корвина с ног до головы.

- А это кто?

- Мой дегустатор, - сказал Георг. - И специалист по вину.

- Специалист по вину в рыбацкой лодке, - Бранн покачал головой. - Ну, я и не такое видел. Ладно. Завтра на рассвете. Заплатишь серебром.

- Договорились.

Вечером Георг сидел на ступеньках постоянного двора. Во дворе тихо переступала Бурёнка, в сарае мирно стояла телега с горшками и магическим камнем. Корвин ушёл договариваться с каким-то знакомым о карте морских течений. Пух лежала на коленях, подставив брюшко последнему теплу.

В руке Георг держал горшок с серебряным тимьяном. Листья поблёскивали в свете масляного фонаря.

- Завтра, - сказал он Пух. - Если повезёт, начну дружить с водными.

Пух перевернулась на спину и уставилась на него вверх

ногами. В перевернутом мире её сломанный ус топорщился как-то особенно задорно.

- Ты вообще переживаешь? - спросил Георг. - Или тебе всё равно, лишь бы рыбу воровать?

Она не ответила - только зевнула, показав острые зубы, и лениво дрыгнула лапой. Ей было всё равно. Но когда он поднялся и пошёл к дому, она вскочила и потрусила следом - маленькая, бесшумная, не отстающая ни на шаг.

Глава 8. Красная Скала

Утро началось с того, что Пух украла у Корвина яблоко.

Точнее - попыталась. Яблоко было размером с неё саму, и ласка, вцепившись в него зубами, пятилась по столу, волоча добычу к краю. Корвин, ещё не до конца проснувшийся, смотрел на это с выражением человека, который многое повидал, но такое - впервые.

- Это завтрак, - сообщил он Пух. - Мой завтрак.

Пух дёрнула яблоко ещё на дюйм. Корвин перевёл взгляд на Георга, который спускался по лестнице, застёгивая рубашку.

- Твоя ласка грабит меня среди бела дня. Ты знаешь об этом?

- Знаю, - сказал Георг. - И предупреждаю: она не остановится.

Он подошёл, взял яблоко, отрезал от него маленькую дольку и протянул Пух. Та схватила угощение и унеслась под стол. Корвин проводил её взглядом и покачал головой.

- У вас, людей, странные отношения с животными.

- Это не животное, - сказал Георг. - Это Пух.

- А, ну тогда ладно, - Корвин махнул рукой и вгрызся в то, что осталось от яблока.

В порту было тихо и серо. Туман лежал на воде, как одеяло, и лодки у причала казались призраками, застывшими

между сном и явью. Где-то вдалеке скрипел флюгер на маяке. Чайки ещё не проснулись - или проснулись, но решили, что орать в такую рань ниже их достоинства.

Бранн уже ждал их. Старый рыбак сидел на перевёрнутой корзине, проверял снасти и выглядел так, будто всю жизнь только и делал, что возил сухопутных чудаков к русалкам.

- Ласка с вами? - спросил он вместо приветствия.

- Со мной, - сказал Георг, и Пух высунула нос из кармана, будто подтверждая.

- В лодке - порядок. За борт не свешиваться, за снасти не хвататься, зверька держать при себе. Море сегодня тихое, но у Скалы бывает течение. Кто тонет - сам виноват.

- Оптимистично, - заметил Корвин. - Мне нравится.

Они погрузились. Лодка была старой, но крепкой - смолёные доски, пара вёсел, уключины, смазанные жиром. Бранн сел на вёсла, Корвин устроился на средней скамье, вытянув длинные ноги. Георг сел на корму, Пух пристроилась у него на плече.

Лодка отчалила.

Первые полчаса прошли в тишине. Бранн грёб размеренно, не разговаривая, и только скрип уключин нарушал утренний покой. Потом Корвин, которому надоело молчать, начал рассказывать.

- Русалочье вино, - говорил он, и глаза его блестели, - делается не из винограда. В том-то и чудо. Они берут красные водоросли, которые растут только на глубоководных рифах,

и сбраживают их с лунной водой. Лунная вода - это вода, которую собирают в полнолуние с поверхности моря. Говорят, в ней есть что-то от света. Я не знаю, правда ли это, но вино получается серебристым. Ты пьёшь - и чувствуешь прилив.

- Прилив чего? - спросил Георг.

- Всего. Энергии. Радости. Жизни. Я пробовал его только раз, сто лет назад, на свадьбе одной русалки. Меня пригласили случайно - я просто оказался рядом и спел что-то удачное. С тех пор ищу рецепт. Если я его получу - о, душа моя, это будет величайшее пополнение моей коллекции.

- Ты коллекционируешь рецепты уже двести лет, - заметил Георг. - Сколько их у тебя?

- Тридцать четыре.

- Всего?

- Это не «всего», - возразил Корвин с достоинством. - Это тридцать четыре идеальных рецепта. Я не собираю всё подряд. Только то, что совершенно.

- Как то вино в «Кривой Подкове»?

- Не напоминай мне о нём. Я до сих пор чувствую себя оскорблённым.

Пух тем временем освоилась. Она спрыгнула с плеча Георга и отправилась исследовать лодку: обнюхала корзину с припасами, проверила моток верёвки у борта, заглянула в ведёрко с наживкой. Бранн покосился на неё, но ничего не сказал.

Когда она добралась до вяленой рыбы, завернутой в про-

масленную ткань, Георг мягко перехватил её поперёк туловища.

- Нет.

Пух посмотрела на него с выражением глубокого непонимания: как это - нет? Рыба же есть.

- Ты уже съела яблоко.

Это был аргумент, который Пух не приняла. Но она смирилась, забралась обратно на плечо и сделала вид, что рыба ей никогда и не была интересна.

Корвин наблюдал за этой сценой с улыбкой.

- Знаешь, Георг, - сказал он, - я путешествую двести лет и видел много странных пар: человек и конь, эльф и сова, дварф и ручной барсук. Но человек и ласка...

- Это не просто ласка, - перебил Георг. - Это Пух.

- Да-да, ты уже говорил. И всё же - что в ней такого? Почему именно ласка?

Георг помолчал. Потом сказал:

- Она пришла сама. Я не выбирал.

- Лучшие друзья всегда приходят сами, - кивнул Корвин.

Пух, будто поняв, что говорят о ней, перебралась с плеча в карман и высунула нос наружу. Кончик чёрного хвоста торчал с другой стороны. Выглядело это так, будто у Георга в кармане завелось что-то живое и чрезвычайно довольное собой.

Бранн хмыкнул:

- Твоя зверюга похожа на мою бывшую жену. Та тоже всё

время лезла в мои вещи.

- И чем закончилось? - спросил Корвин.

- Она ушла к кузнецу. А кузнец через год ушёл к семидесятилетней вдове. Та, видимо, пироги вкусней печёт. Так что я в выигрыше.

Корвин расхохотался. Георг улыбнулся краешком рта.

Лодка шла дальше.

Водоворот открылся без предупреждения.

Море изменилось мгновенно. Серая гладь потемнела, на поверхности побежали пузыри, и лодку дёрнуло - сильно, будто кто-то огромный схватил её за киль и потянул вниз.

Бранн вскинулся:

- Течение! Держитесь!

Георг схватился за борт. Пух вцепилась в его рубаху. Лодка накренилась так, что черпнула воду левым бортом.

Воронка открылась в десятке метров прямо по курсу - не гигантская, но яростная, кипящая, как вода в котле. Она вращалась, втягивая в себя всё вокруг: пену, водоросли, щепки. Лодку потащило к ней.

- Вёсла! - рявкнул Бранн. - Гребь вправо, если хочешь жить!

Корвин, побледневший, но не растерявшийся, схватил свободное весло и налёг на него с неожиданной силой. Бранн грёб с другой стороны. Лодка застонала, разворачиваясь.

Но было поздно.

Воронка дёрнула лодку вбок, и Георг, не удержавшись,

потерял равновесие. Он пытался ухватиться за скамью, но пальцы сорвались, и он полетел за борт.

Ледяная вода сомкнулась над головой.

Удар холода был таким сильным, что Георг на секунду ослеп. Он ушёл под воду, захлебнулся, забарахтался. Глаза открылись в серой мути, и он увидел только пузыри, поднимающиеся к поверхности, и что-то маленькое, мелькнувшее рядом.

Пух.

Она вырвалась из его рук и исчезла в темноте.

Георг рванулся за ней, но тело не слушалось. Воронка тянула вниз - неумолимо, равнодушно. Вода была солёной и ледяной, и она заливалась в рот, в нос, в лёгкие. Он не мог дышать. Перед глазами поплыли круги.

И тогда что-то схватило его за шиворот.

Рывок. Ещё один. Вода расступилась, и Георг вдохнул - воздух, смешанный с брызгами. Он кашлял, захлёбывался, его тащили вверх, к свету, к лодке.

Корвин.

Сатир выволок его на борт, как мешок с мукой, и рухнул рядом. Георг лёг на доски, кашляя водой, и первое, что он произнёс, был не крик, а шёпот.

- Пух. Где Пух?

Корвин, мокрый, с прилипшими к лицу волосами и сломанным обломком рога, смотрел на него и молчал. Бранн стоял на корме, бледный, и тоже молчал.

- Пух! - голос Георга сорвался в крик, хриплый, надорванный.

А потом он увидел.

Маленькая голова над водой. Чёрный кончик носа. Лапки, сучащие по воде. Она плыла - крошечная, едва заметная в серой зыби. Она боролась.

Корвин свесился с лодки, рискуя снова упасть, и подхватил её.

- Держи, - он протянул мокрый комочек Георгу.

Пух не дышала.

Георг взял её в ладони. Шерсть слиплась. Глаза закрыты. Тельце обмякло и было неестественно лёгким, как пустой мешочек. Он начал растирать её - теми движениями, которые помнил до автоматизма, которые повторял столько раз, сколько жил. Кончиками пальцев вдоль рёбер. Мягкими нажатиями на грудку. Осторожно. Отчаянно.

- Давай, - шептал он. - Ну давай же. Ты всегда выкарабкивалась. Каждый раз ты была со мной. Каждый раз...

Он не мог сказать больше. Не мог вслух перечислить все смерти, все потери, все восемьдесят семь попыток. Но внутри, про себя, он кричал. Кричал так, как не кричал даже в первую ночь после проклятия.

Пух. Пожалуйста. Я не могу опять. Ты единственная, кто был со мной всегда. Ты единственная, кто не предал.

В первой жизни ты сгорела. Я не видел, но знаю - ты пыталась выбраться. Я потом стоял на пепле и выл в небо, пока

бог не ответил.

В тридцать четвёртой ты умерла от старости у меня на ладонях. Мне было тридцать четыре - твой полный срок. Я рыл тебе могилу под яблоней и плакал впервые за много лет.

В пятьдесят шестой тебя пнул пьяный. Я чуть не убил человека - остановился в последний миг. Но тебя не спас.

В семьдесят третьей ты отравилась ягодой. Я потом выучил всю токсикологию мира. Но было поздно. Ты умирала несколько часов, а я сидел и смотрел.

В восемьдесят третьей тебя утащил орёл. Я даже не успел крикнуть - только клочок шерсти на камне.

В прошлой попытке ты умерла от болезни в четырнадцать лет. Я остался один и просто ждал конца.

Я знаю, что однажды ты умрёшь снова. Тебе отмерено пятнадцать лет. Ты всегда умираешь раньше меня, и я остаюсь один - на год, на пять, на десять лет - и живу дальше, потому что должен, потому что проклят, потому что если я сдамся, всё начнётся заново. Но только не сейчас. Не в этой холодной воде. Пожалуйста. Ну давай же...

Георг продолжал растирать маленькое тельце, вдавливать воздух в лёгкие, и по его щекам текли слёзы. Он не замечал их.

Корвин стоял рядом на коленях, мокрый, с обломанным рогом, и в его жёлтых глазах стояли слёзы. Сатир, который смеялся даже под проливным дождём, сейчас молчал и не вытирал мокрых дорожек на щеках.

Бранн отвернулся к морю, но плечи его вздрагивали.

Прошла минута. Бесконечная, как все потерянные жизни, вместе взятые.

Георг уже не шептал - просто гладил мокрую шёрстку, не в силах остановиться. Его пальцы онемели от холода, но он всё равно водил ими вдоль рёбер, чувствуя, как внутри нарастает глухая, знакомая пустота.

И вдруг - судорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.